

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
Preis et Yougoslavie.
in Deutschland und 70 Pf. (4 fr.)
sonstigen Ländern

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 10 (390)

17-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр.,
на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.;
для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр.,
на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca,
(Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

28 Мая 1937 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: **“Bâtiment 11”**

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: Испанский кризис.
П. Гарви. Красная Армия на новом этапе.
А. Югов. Вокруг третьей пятилетки.
С. Шварц. К итогам пленума ВЦСПС.
В Социалистическом Интернационале Молодежи.

Заграницей: К аресту С. Ежова и К. Захаровой. — В польском Бунде. — Рост датской социалдемократии. — Выборы в Исландии. — «От Бабефа до Жореса».
Издания, поступившие в редакцию.
Почтовый ящик. — От редакции.

Фельетон: Отто Бауэр. Сущность Народного Фронта.

Испанский кризис

После вспышки междоусобицы в Каталонии и в непосредственной связи с этой вспышкой и ее подавлением серьезный кризис пережило революционное правительство испанской республики.

Ларго Кабальеро, возглавлявший это правительство, подал в отставку и в состав нового правительства вообще больше не входит. На посту председателя правительства он заменен т. Негрином. И это не просто смена лиц. Изменению подверглись и структура правительства, и основные вехи его политики.

Из 18-членного правительства стало 9-членным. В него не входят представители профессиональных рабочих организаций: социалистического Всеобщего Союза и анархистско-синдикалистской Национальной Конфедерации. Из его состава исчезли анархисты и представители левого крыла социализма. Наоборот, в нем остались все четыре представителя буржуазных группировок (баскские националисты, республиканский союз, республиканская левая, каталонская левая), входившие и раньше в состав правительства, причем три из них, участвовавшие в кабинете Кабальеро в качестве министров без портфеля, т. е. политических советников, теперь получили посты министров иностранных дел, юстиции, и социального обеспечения в дополнение к тому министерству путей сообщения и общественных работ, которое и раньше находилось в их руках. Важнейшие посты: председательство, связанное с управлением фи-

нансами и народным хозяйством (Негрин), оборона (Приэто) и внутренние дела (Сугасагонтия) остались в руках социалистов, но социалистов правого крыла. Коммунисты сохранили свои портфели просвещения и здравоохранения. Таким образом правительство состоит теперь из 3 социалистов, 2 коммунистов и 4 буржуазных республиканцев: удельный вес последних по сравнению с пролетарским представительством значительно повысился, а коммунисты, несмотря на сравнительно второстепенный характер их портфелей, получили роль суперарбитров в возможных разногласиях между социалистами и буржуазными республиканцами.

Основная задача и платформа нового кабинета сводится к централизации руководства войною. Этой цели служит и сосредоточение всех отраслей военного дела (армия, флот, авиация, военная промышленность) в едином министерстве обороны, и возложение на совет министров функций высшего военного совета, и унификация главнокомандования, уничтожающая военную «автономию» провинций (Каталонии, Бискайя), которая до сих пор так пагубно давала себя знать в ходе военных операций.

«Достижению победы» отныне должно быть подчинено все. Ради нее правительственная декларация «обязуется неуклонно поддерживать порядок в тылу», т. е. бороться с теми самоуправными и террористическими действиями отдельных партий и групп, которые и до

сих пор имеют в Испании свои приватные «Чека» и свои «тайные» тюрьмы, и с теми самочинными захватами промышленных и торговых предприятий, насильственными «коллективизациями» крестьянского хозяйства и т. п. актами тех же партий и групп, которые вносили подчас немалую неурядицу в хозяйственную жизнь страны и вызывали недовольство не только оставшейся верной республике части крупной буржуазии, но и мелкобуржуазных слоев города и деревни.

Более того. Насколько можно судить по тексту правительственной декларации, обещающей уделить «особое внимание» проведению «единой экономической политики» и поясняющей при этом, что проведение такой политики «обеспечивается структурой самого кабинета», тот спор о соотношении между социально-революционными и военно-политическими задачами испанской республики, который не переставал занимать общественное мнение (и, особенно, пролетарское общественное мнение) республиканского лагеря, решается новым кабинетом в смысле наивозможно большего отодвигания социально-революционных задач на задний план — все во имя того-же «достижения победы».

«Достижению победы» может содействовать состав и программа нового правительства и в том смысле, что, как показывают отзывы английской печати, это правительство встречает значительно меньшее «отталкивание» в тех капиталистических кругах, которые оказывают решающее влияние на политику консервативного правительства Англии. И это тем более, что руководство внешней политикой нового кабинета изъято из социалистических рук и передано представителю буржуазной «республиканской левой» Хиралу, и что в его составе весьма сильно представлен баскский элемент (4 министра — баски и 5-й, Прието, депутат Бискайи), т. е. та провинция, минеральные богатства которой имеют особое значение для оборонной промышленности Великобритании и которую английское правительство менее всего хотело бы видеть захваченной Германиею

или ее испанскими ставленниками. Можно с некоторым основанием рассчитывать поэтому, что английское правительство, если и не откажется от политики «невмешательства», то будет практиковать ее по отношению к правительству Негрина в более благожелательном духе, чем то было по отношению к правительству Кабальеро. А это, в свою очередь, развязало бы и французскому правительству Народного Фронта руки для более энергичной дипломатической поддержки дела испанской республики.

Что победа над итало-германским фашизмом, ведущим истребительную войну против испанской республики под флагом генеральского мятежа, является необходимой предпосылкой разрешения и социально-революционных вопросов республики в духе и интересах трудящихся классов Испании, — это аксиома для всякого социалиста, для всякого сознательного рабочего, как аксиома и то, что «порядок в тылу», т. е. скорейшая ликвидация всяческой самостийной, партийной и групповой «партизанщины», является необходимым условием победы. Поэтому общие положения новой правительственной платформы не могут встретить возражения ни с испанско-, ни с международно-пролетарской точки зрения. Весь международный пролетариат будет, разумеется, с такой же энергией поддерживать новое республиканское правительство в его стремлении «организовать победу», как поддерживал старое, и будет напрягать все усилия, чтобы те новые факторы победы, которые, как отмечено выше, несет с собою новая структура и новая платформа кабинета Негрина, были полностью использованы для ее достижения.

И все же, именно в интересах достижения действительной победы, было бы недопустимо закрывать глаза на те опасности, которые связаны с новым этапом испанской борьбы за свободу. А дело идет именно о новом этапе.

Испанские корреспонденты «Правды» усиленно под-

ОТТО БАУЭР.

Сущность Народного Фронта *)

В феврале 1936 года в Испании Народный Фронт победил в избирательной борьбе. Его избирательная победа опрокинула реакционный, автократический режим, утвердившийся в Испании после подавления рабочего восстания в октябре 1934 года и грозивший перерости в фашизм. Она дала толчок бурным движениям испанских рабочих и крестьян. Испанские феодалы и испанская церковь дрожали перед аграрной революцией. Испанские капиталисты возмущались движениями рабочих. Испанские генералы опасались очищения армии от враждебных республике командиров. 18 июля началось восстание реакционных войск под руководством генерала Франко. Свыше девяти месяцев бушует в Испании гражданская война между Народным Фронтом и фашизмом.

В мае 1936 года Народный Фронт победил на выборах во Франции. В июне того же года правительство Народного Фронта стало во главе Франции. Образование

правительства Народного Фронта было сигналом для грандиозных массовых движений, гигантских стачек французского рабочего класса. В этой борьбе французские рабочие и служащие добились значительного повышения заработной платы. Под давлением массовой борьбы французское правительство Народного Фронта радикально преобразовало социальное законодательство. В этой массовой борьбе колоссально окрепли самосознание и мощь французского пролетариата. Число членов профессиональных союзов единым скачком возросло с одного миллиона до пяти. Обе пролетарские партии во много раз умножили число своих членов и тираж своей прессы.

И в Испании, и во Франции рабочий класс ведет эти великие классовые битвы в рамках Народного Фронта. Опыт Испании и Франции ставит перед всем мировым пролетариатом вопросы: В чем состоит сущность Народного Фронта? Какие возможности дает он освободительной борьбе рабочего класса? Каковы границы его дееспособности?

Как во Франции, так и в Испании Народный Фронт представляет собою союз пролетарских партий и проф-

*) В ближайшие дни исполняется первая годовщина пребывания у власти правительства Народного Фронта во Франции. Как нельзя более своевременен поэтому этот о сущности Народного Фронта, который Отто Бауэр поместил в майской книжке «Кампф» и который мы даем здесь в переводе. — Ред.

черкивают, что, несмотря на существенное изменение структуры и платформы правительства, оно остается правительством Народного Фронта. Это утверждение не совсем верно или — верно лишь с чисто внешней, формальной точки зрения. Оно затушевывает действительный смысл того зигзага, который переживает сейчас испанская республика. Если политические термины имеют определенное социально-политическое содержание, то можно сказать, что смысл происшедшего переворота или поворота как раз в том и заключается, что военная, а потому и общая политика республики обнаружила тенденцию с рельс Народного Фронта передвинуться на рельсы «священного единения» рабочего класса и трудящихся вообще с теми буржуазно-капиталистическими элементами, которые вместе с ними готовы защищать свободу и независимость Испании. И различие тут отнюдь не чисто терминологическое и формальное.

Народный Фронт предполагает неразрывную связь задач радикального социального преобразования с задачами обще-политического (а в ходе войны — военного) характера. Он не исключает, разумеется, подчинения размаха и темпов такого преобразования обще-политическим и военным задачам, но он стремится сделать это подчинение актом сознательного и добровольного «самоограничения» самих трудящихся. Поэтому активное и даже решающее, руководящее участие массовых рабочих организаций в намерении и проведении такой политики «самоограничения», а следовательно и во всей деятельности правительства является основным признаком и необходимым условием действительного Народного Фронта. Разумеется, достигается это, как показывает пример Франции, а тем более Испании, не без трудностей, не без трений, не без «экспрессов» со стороны взбудораженных, выведенных из равновесия и охваченных жадной освобождения трудящихся масс, но зато всякий успех в этом направлении действительно

но крепит и «анти-фашистский» союз Народного Фронта, и позиции трудящихся в этом союзе.

В эту сторону и были направлены усилия Кабальеро, и после событий в Барселоне ему, казалось, удалось добиться большого успеха: не только автономное правительство Каталонии и не только социалистический Всеобщий Союз, но и синдикалистская Национальная Конфедерация и даже Иберийская Федерация Анархистов дали согласие на «централизацию» военной, общей и экономической политики республики и на утверждение «порядка в тылу» в том смысле, о котором говорилось выше. Дал согласие и ПОУМ, в котором за последнее время вообще начало падать влияние «троцкистов», выступающих и в Испании, как и во Франции, принципиальными противниками Народного Фронта и пытающихся везде и всюду по-просту повторять «октябрьскую» тактику русских большевиков 17 года.

Можно опасаться, что эта плодотворная политическая линия будет теперь оборвана. Можно опасаться, что будут усиливаться тенденции — не работать терпеливо над тем, чтобы «самоограничение» и «порядок в тылу» стали продуктом сознательной воли трудящихся, а навязать им это «самоограничение» и «порядок» насилем над ними. Этого можно опасаться потому, что тенденции такого рода не могут не существовать в среде тех буржуазных партнеров, влияние которых так усилилось в новой правительственной коалиции. Этого можно опасаться потому, что в эту же сторону будет толкать правительство тот английский консерватизм, на поддержку которого оно может рассчитывать больше, чем правительство Кабальеро. Этого можно опасаться потому, что в его составе нет уже представителей массовых профсоюзных организаций испанского пролетариата, как нет и представителей того анархического течения, которое, хотим мы того или нет, пользуется еще широким влиянием в трудящихся массах Испании и играет еще в значительной степени (несмотря на отличие названия и доктрины) такую же роль собирате-

союз с буржуазно-демократическими партиями и организациями. В обеих странах правительства Народного Фронта завоевали правительственную власть в избирательной борьбе, избирательными бюллетенями. В обеих странах правительства Народного Фронта опираются в парламенте на коалицию пролетарских и буржуазно-демократических партий, а вне парламента на поддержку пролетарских профсоюзов и буржуазных и крестьянских демократических организаций. Таким образом правительство Народного Фронта есть коалиционное правительство.

Но, будучи коалиционным правительством, оно все же существенно отличается от обычных коалиционных правительств, которые со времени мировой войны мы столько раз имели случай видеть на работе почти во всех странах Европы и которые и сейчас видим в скандинавских странах, в Финляндии, в Бельгии, в Чехословакии. Правительства Народного Фронта — коалиционные правительства, возникающие и действующие в совершенно определенных исторических условиях, в совершенно определенной социальной ситуации. Чем же отличаются они от других коалиционных правительств?

1. Народный Фронт покоится не только на договоре парламентских партий. Он возникает из народного движения. Когда выступлением французских фашистов на улицах Парижа 6 февраля 1934 года было свергнуто правительство буржуазной левой, французский народ внезапно очутился лицом к лицу с угрозой фашизма. Стихийное движение отпора фашизму охватило народ-

ные массы. Пролетарские политические и профессиональные организации стихийно сомкнулись с демократическими организациями мелкой городской буржуазии, крестьянства, интеллигенции в комитеты для борьбы с фашистской опасностью. Из этого движения отпора и вырос Народный Фронт. Сходно развивалось дело и в Испании. Возмущение против кровавой жестокости репрессии, последовавшей за октябрьским восстанием 1934 года, против реакционного, плутократического законодательства и административной коррупции правительства Лерру-Хил Роблес, против реакционной угрозы всем завоеваниям революции 1931 года сплотило широкие массы испанского народа в общей ненависти на совместную борьбу, сблизило между собою социалистов, коммунистов, анархистов, буржуазных демократов, каталонских и баскских автономистов, свело всех их в Народный Фронт.

2. Фундаментом Народного Фронта как во Франции, так и в Испании является «единство действий» пролетарских партий, «Единый Фронт» пролетариата. Без поддержки коммунистов у французского правительства Народного Фронта не было бы в палате большинства, независимого от центра и правой, от парламентских представителей крупной буржуазии. Без сотрудничества социалистов с коммунистами было бы невозможно целесообразно вести и закончить те великие массовые движения, которые были развязаны победой Народного Фронта. Без сотрудничества обеих пролетарских партий всякий инцидент, подобный происшедшему в Клиши, был бы роковым для правительства Народного Фронта. Если

ля и выразителя стихийной революционной энергии этих масс, какую играли в русской революции 17 года их нынешние антиподы — большевики. И наконец, немалую тревогу в этом отношении вызывает и политика испанских коммунистов, о которой приходится сказать несколько слов.

Испанская коммунистическая партия была совершенно ничтожной величиной до начала гражданской войны, но выросла в крупную силу в ходе этой войны. Однако основой этого роста были не идейно-политические завоевания ее в среде трудящихся масс, а единственно та военная, техническая и материальная помощь, которую Советский Союз оказывал испанской республике. Она росла поэтому, как испанская агентура сталинской диктатуры, как проводник ее политики, прикрывающей свою национально-государственную ограниченность и близорукость лозунгом о «социалистическом отечестве трудящихся», для поддержки которого пролетарии всех стран обязаны делать «все» и перед интересами которого якобы отступают на задний план и имеют второстепенное и подсобное значение социально-политические результаты их собственного движения. С такой, выражаясь излюбленным большевистским термином, поистине «деляческой» точки зрения, социально-политические проблемы испанской революции имеют мало значения. Важна лишь победа над основным врагом Советского Союза — Гитлером и его союзниками. Поэтому: «все для победы!» — но в смысле «откладывания» всех других проблем на время после победы.

Эта «идея» и стала основой политики испанского коммунизма. Получилось парадоксальное положение, при котором в рабочем испанском лагере коммунисты оказались самым «умеренным» элементом, настаивавшим на том, что никаких других задач кроме спасения буржуазной демократической республики испанский Народный Фронт ставить себе не может и не должен; при котором они не только встали во враждебные отноше-

ния с тем массовым пролетарским движением, которое идет еще под знаменем анархо-синдикализма, но порвали и с левым крылом социализма (Кабальеро), сблизившись, напротив с правым крылом его (Прието), которое не переставало обвинять Кабальеро в «большевизманстве» за его проповедь «единого фронта» с коммунистами! И так как испанские коммунисты перенесли на испанскую почву и сталинскую борьбу с «троцкистами», покрывая этим названием — тоже по сталинскому рецепту — всех, несогласных с их политикой, а тем паче всех, критикующих в том или другом отношении внешнюю и внутреннюю политику Сталина, — то возникает не обоснованное опасение, что и коммунисты окажутся в составе нового правительства одним из факторов, толкающих к применению методов «сильной руки» по отношению как к инакомыслящим партиям и организациям трудящихся, так и по отношению к самим трудящимся массам, недостаточно скоро и полно усваивающим лозунги «самоограничения» и «порядка» *).

«Наносный» характер и отсутствие прочных пролетарских корней у испанской компартии особенно очевидны в Каталонии, где рабочие массы сосредоточены целиком в обеих профессиональных организациях, особенно же в анархо-синдикалистской НКТ, и где за коммунистическим штабом стоят разве что кое-какие мелкобуржуазные массовые элементы. Насильственная расправа с анархо-синдикалистскими организациями, которую так часто пропагандируют ком-

*) Советские рабочие и, особенно, крестьяне, конечно с некоторым изумлением прочтут в «Правде» от 17 мая декларацию испанской коммунистической газеты, объявляющую «врагами народа» тех, кто «проводит насильственные коллективизации» и, наоборот, «друзьями народа» тех, кто «противится насильственной коллективизации, грабежу крестьян и хочет, чтобы они обрабатывали землю, как сами того желают», кто «защищает мелкую буржуазию», «ищет союза с честными католиками», стремится к «укреплению демократической республики», и т. д.

бы коммунисты прекратили поддерживать правительство Блюма, а социалисты решили все же оставаться в нем, — правительство Народного Фронта выродилось бы в вульгарное коалиционное правительство, зависимое от партий крупной буржуазии. Потому-то и не перестает Блюм подчеркивать, что подаст в отставку в тот день, когда союз обеих пролетарских партий оказался бы разорванным. Тем более является единство действий пролетарских партий и профсоюзов предпосылкой существования Народного Фронта в Испании: без него организация ведения войны против фашистских генералов не была бы возможна ни одного дня.

3. Народный Фронт смыкает сплотившиеся в «единстве действий» пролетарские партии и профсоюзы с мелкобуржуазными и крестьянскими демократическими партиями и организациями. Но эта смычка происходит под руководством пролетарских партий. Во Франции, как и в Испании пролетарские партии составляют наиболее сильный боевой отряд Народного Фронта, и их представители стоят во главе правительства Народного Фронта.

Мелкая буржуазия и крестьянство принадлежат к имущим, к собственникам средств производства, — как и капиталисты. Но в то же время они являются и трудящимися, — как пролетариат. Они принадлежат к имущим классам, но принадлежат и к трудящемуся народу. Они стоят посередине между капиталистами и рабочими и постоянно колеблются между теми и другими. В демократии, на основе всеобщего и равного избирательного права класс капиталистов может господствовать

лишь в том случае, если ставит себе на службу партии, депутаты которых избираются мелкобуржуазными и крестьянскими массами. Пролетариат может завоевать государственную власть лишь в том случае, если ему удастся стать рупором и выразителем воли всего трудящегося народа, сплотить вокруг себя мелкую буржуазию и крестьянство и повести их за собою в борьбу против класса капиталистов. Историческую ситуацию классовой борьбы, при которой все классы трудящегося народа объединяются под руководством пролетариата против капиталистов, бюрократов и генералов, Маркс называет «гегемонией пролетариата». Народный Фронт — это не диктатура пролетариата, но это — приспособленная к государственным нормам демократии форма гегемонии пролетариата.

Именно это и отличает политику Народного Фронта от так наз. «народного социализма». Народный социализм правильно отмечает, что пролетариат не может победить без союза с широкими мелкобуржуазными и крестьянскими массами. Но он считает безнадежной задачу поставить мелкобуржуазные и крестьянские массы под руководство пролетариата. Поэтому, по его мнению, пролетариат должен вступать в союз с мелкой буржуазией и крестьянством, не претендуя на руководящую роль внутри этого союза. Народный социализм принципиально отвергает гегемонию пролетариата. Он стремится — не завоевать пролетариату руководство трудящимся народом, а растворить пролетариат в трудящемся народе. Но именно опыт Народного Фронта показывает, что в известных исторических условиях

мунисты, означала бы поэтому на деле насильственную расправу с самим рабочим классом.

Между тем ничто не было бы столь роковым не только для конечных судеб испанской революции, но прежде всего для организации победы над фашизмом, как попытка применения этих методов насилия над массами. Если еще можно спорить о том, насколько социальные моменты и мотивы будут связаны с ходом и исходом всякой будущей войны, то для войны испанской, которая является одновременно войной и международной, и гражданской, эта связь несомненна. Утрата массами веры в то, что эта война несет им и социальное освобождение, была бы утратой самого мощного военного «потенциала» испанской республики, побеждавшей до сих пор своих технически бесконечно более сильных врагов именно энтузиазмом масс, во стократ перекрывавшим изъёны республиканской техники.

Но отказаться от веры в то, что война несет им и социальное освобождение, трудящиеся массы Испании, всколыхнутые до дна, принесшие уже столько кровавых жертв и держащие еще в своих руках оружие, которым они спасли республику в самые критические и опасные дни, могли бы лишь под воздействием все возрастающего и все более кровавого насилия, в ходе новой гражданской войны, но уже внутри республиканского лагеря. Незачем говорить, как такая междуусобица ослабила бы шансы этого лагеря на военную победу над испанско-итало-германским фашизмом и как велика стала бы опасность, если не полного поражения, то неизбежного компромисса его с мятежниками — того самого компромисса, который является целью английской кампании «посредничества» и который, как свидетельствуют столь многие иностранные корреспонденты, имеет своих сторонников и в весьма влиятельных кругах буржуазии, сохранившей верность республике.

вполне возможно осуществить гегемонию пролетариата в рамках демократии.

4. Пролетариат хорошо сознает, что победа Народного Фронта ставит государство под его руководство. С приходом к власти правительства Народного Фронта его самосознание и воля к борьбе значительно усиливаются. Приход такого правительства к власти дает толчок широким стачечным движениям. Движения эти в свою очередь изменяют соотношение сил внутри Народного Фронта. Буржуазные и крестьянские союзники пролетариата знают, что им не удалось бы мирно закончить эти массовые движения, успокоить взбужденные массы; они вынуждены поэтому делать пролетарским массам более значительные уступки, чем первоначально имели в виду, и поддерживать социалистическое руководство, одно лишь способное руководить массовым движением.

Благодаря всему этому правительство Народного Фронта оказывается способным достигать гораздо более крупных результатов, чем другие коалиционные правительства, не выдвинутые сильными народными движениями и не опирающиеся на них. Правительство Народного Фронта во Франции приостановило наступление фашизма, распустило фашистские союзы, реорганизацией эмиссионного банка, огосударствлением части оборонной промышленности, созданием хлебной палаты выбило крупный капитал из важных позиций, укрепило позиции рабочих в предприятиях усилением профессиональных союзов, законодательством о коллективных договорах и созданием фабричных советов,

Но военный компромисс с восставшими генералами и стоящими за ними реакционными силами был бы на деле политическим поражением испанской республики и трудящихся масс Испании — рабочих и крестьян. Из него могла бы выйти лишь та «республика без республиканцев», где фактическая власть принадлежала бы тому самому реакционному блоку, который полтора года назад был сброшен избирательной победой Народного Фронта и восстал и который теперь, после кровавой гражданской войны, осуществлял бы свою социально-реставрационную программу еще с большею суровостью и жестокостью. Он был бы самым сильным ударом не только по испанским трудящимся массам, но по делу демократии и социализма во всем мире. Он был бы фактически новой победой мирового фашизма.

Этих перспектив не могут не видеть, их не могут не понимать товарищи, возглавляющие новое правительство испанской республики. Поэтому есть полное основание думать, что указанные выше опасные тенденции не получат развития, и что создавшееся ныне положение окажется лишь переходным этапом — не к простому восстановлению кабинета Кабальеро и его политики, но к воссозданию действительного Народного Фронта, включающего в себя все организованные элементы рабочего класса и опирающегося в своей политике на возросшее понимание трудящимися массами и представляющими их партиями и организациями стоящих перед ними исторических задач и требований, какие представляет им осуществление этих задач в условиях гражданской и международной войны.

Все для Испании! Все для победы испанской республики над фашистами! — эти лозунги остаются и должны оставаться лозунгами всего международного пролетариата. Но эти лозунги обьют собою и товарищескую помощь в разрешении тех внутренних конфликтов и трений, которые грозят расколоть лагерь трудящихся в Испании и ослабить шансы его победы.

произвело переворот во всем быту рабочих и служащих введением 40-часовой недели и оплаченных отпусков

И в прошлом, до того как было изобретено слово Народный Фронт, бывали коалиционные правительства, по своему социальному фундаменту, по своей структуре и по охвату своей деятельности схожие с нынешними правительствами Народного Фронта.

Таким коалиционным правительством было правительство Реннера в Австрии в 1919 году. И это правительство родилось из большого народного движения: из массового движения против династии, генералов, бюрократов и барышников войны, охватившего после четырех лет войны, массовой бойни и голода не только пролетариат, но и мелкобуржуазных и крестьянских «возвращенцев» — солдат, после проигранной войны возвращавшихся из окопов домой. Фундаментом и этого правительства было своего рода «единство действий» пролетарских партий: социалдемократы и коммунисты подчинялись возникшим в ходе переворота рабочим Советам и признавали решения их большинства обязательными для себя. Авторитет рабочих Советов был так велик, что, выступая против их воли, как это было в попытках путчей, имевших место в 1919 году, коммунисты сами изолировали себя от рабочего класса. Пока революция находилась в подъеме — до победы контрреволюции в соседней Венгрии — парламентские представители крестьянства и мелкой буржуазии охотно под-

П. ГАРВИ.

Красная Армия на новом этапе

То, что происходит сейчас в Красной Армии, может быть понято лишь в свете общей перестройки Советского Союза на началах плебисцитарного цезаризма. Эта перестройка захватывает одну за другой все области народной жизни и все стороны государственного дела: семью и школу, философию и право, искусство и литературу, партийное строительство и профдвижение, кооперацию и колхозы, ГПУ и Красную Армию. Методы перестройки советской государственности и обществности одни и те же: «самокритика» и чистка, шельмование вчерашних руководителей и замена их новыми, «преданными ЦК партии» и лично Сталину, демократические тайные выборы и «большевистское руководство» ими, — и все это на зловещем фоне судебных инсценировок и бессудных массовых казней. Цель перестройки — с внешней стороны подготовка к проведению в жизнь новой, «самой демократической в мире» советской конституции, а на деле — использование этой подготовки для создания условий, обеспечивающих превращение новой конституции в орудие и форму плебисцитарного цезаризма.

Партия, ГПУ и Красная Армия — таковы три основных устоя большевистской диктатуры, перерождающейся в личное самодержавие Сталина. Взаимные отношения между этими тремя частями аппарата диктатуры были всегда крайне сложными, и реальное значение каждой из них менялось за истекшие два десятилетия. Теоретически ГПУ и Красная Армия были подчиненными органами партийной диктатуры. На деле, в зависимости от внутренней или внешней обстановки, от перевеса внутренних или внешних трудностей, попеременно выросло значение то ГПУ, то Красной Армии, между

которыми то и дело завязывалась глухая борьба за влияние.

Общий ход развития в Советском Союзе и в его капиталистическом окружении неизменно приводил в последние годы к усилению роли Красной Армии. Как раз в нарастающей с 1933 г., со времени прихода Гитлера к власти, военной опасности большевистская диктатура находит новые стимулы и ищет нового оправдания для своего увековечения, ставшего анахронизмом после ликвидации гражданской войны. Уже генеральная линия была, в сущности, орудием военно-промышленной экипировки Советской России, как великой державы. Японо-германская опасность вызвала удвоение численности Красной Армии, ставшей ныне самой крупной армией во всем мире. При этом милиционный элемент в строительстве Красной Армии потерпел существенное умаление, что усилило роль ее постоянных кадров и офицерского состава.

Все теснее переплетаясь с вновь формирующимся новым правящим сословием «знатных людей» города и деревни, командный состав Красной Армии в реформе 1935 г., восстановившей чины и позументную иерархию офицерства от лейтенантов до маршалов, обрел внешние формы своей кастовой организации и своего привилегированного положения в «бесклассовом» советском обществе.

Одновременно совершался процесс превращения армии гражданской войны и «мировой социальной революции» в национальную русскую армию, — процесс, облегчаемый, с одной стороны, крестовым походом Сталина против сугубо-интернационалистского «троцизма», мараемого легтем изменнических, шпионских и диверсантских наветов, а с другой, — насаждением неумеренного культа родины, нации и народности в духе ура-патриотизма. Переделка в «патриотическом» духе учебников истории, ликвидация «исторической школы Покровского», поиски исторических предков «в дыму веков», вплоть до Александра Невского, Минина,

чинялись социалистическому руководству: то было время, когда христианско-социальная партия голосовала за республику, за экспроприацию Габсбургов, за демократическую организацию вооруженных сил, за социальные реформы Фердинанда Ганнуша и когда Йодок Финк выступал в парламенте докладчиком социализаторской программы правительства. И в тогдашней Австрии образование этого правительства дало толчок грандиозным массовым движениям — непрерывно следовавшим друг за другом крупным стачкам промышленных рабочих, железнодорожников, чиновников. И в Австрии эти массовые движения давили на буржуазных и крестьянских партнеров коалиции, заставляя их делать все большие уступки своим социалистическим союзникам. Великая социальная реформа Фердинанда Ганнуша сравнима, а частью прямо тождественна с великой социальной реформой правительства Блюма.

Правда, историческая обстановка была тогда другою. Развязанные мировой войной революции находились еще в под'еме. Поэтому завоеваниями такого «правительства Народного Фронта» пролетариат не удовлетворялся: имея диктатуру пролетариата в России перед глазами, он рвался за пределы коалиции. Нынче, когда победы фашизма отбросили пролетариат на оборонительные позиции, он ценит эти завоевания своей контратаки гораздо выше.

**

С первого же дня образования правительства Народного Фронта Леон Блюм не переставал повторять: «не

забывайте: мы не социалистическое правительство, мы правительство Народного Фронта». Французское правительство Народного Фронта может выполнить программу Народного Фронта, на которой пролетарские партии сошлись с буржуазными радикалами; оно не может выйти за ее пределы, не может пытаться осуществлять чисто социалистическую программу, отвергаемую буржуазными радикалами. Оно может вырвать у класса капиталистов значительные уступки; но оно не может отменить частную собственность капиталистов, отменить капиталистический общественный строй.

Правительство Народного Фронта пришло к власти на основе республиканской конституции решением большинства избирателей. Большинство в парламенте оно располагает лишь до тех пор, пока буржуазные радикалы идут за ним. Конституционно править оно может лишь с ними, а не без них и не против них. Только большинство в парламенте дает ему конституционное право распоряжения бюрократическим и военным аппаратом государства. В тот день, когда социалистическое руководство Народного Фронта захотело бы эмансипироваться от буржуазных радикалов и продолжать править без них и против них, бюрократический и военный аппарат государства отказал бы ему в повиновении.

Уже много лет подряд Леон Блюм учил французских социалистов строго отличать осуществление правительственной власти в рамках капиталистического государства, к которому социалистическая партия может быть призвана механизмом выборов, избирательных союзов и парламентских коалиций, от завоевания

Пожарского и Суворова, — все это штрихи той массово-психологической перестройки, которая стимулирует замену начальной интернационалистской и социально-революционной зарядки Красной Армии новой, национально-государственной и ура-патриотической.

В то же время процесс социальной перетасовки советского общества в ходе двух пятилеток и политическая эволюция диктатуры все больше выводят Красную Армию на авансцену истории в завершительный период революции. Она, эта армия, рожденная революцией, еще уходит низами в толщу народных масс и довольно чутко отражает еще их настроения; но в лице своего командного состава, усиленно очищаемого от всяческой оппозиционной ереси, она уже значительно насыщена настроениями термидорианско-бонапартистского характера. Из опоры Сталинского единодержавия Красная Армия может каждую минуту превратиться в орудие советского бонапартизма, из объекта «партийной» политики диктатора — стать субъектом решающего исторического действия, ликвидирующего переродившуюся революцию.

В свете этой эволюции Красной Армии, неотрывной от всей эволюции советского общества, что знаменует собой, что несут с собой последние перемены в ее командном составе, в ее внутреннем устройстве, в ее партийных скрепах?

И прежде всего — опала Тухачевского. Нас интересует, понятно, не личная судьба этого удачливого офицера царской гвардии, вознесенного революцией на вершины военного командования и внезапно, по манию диктатора, низвергнутого с пьедестала, на котором он, вместе с четырьмя другими маршалами, еще вчера окружал монументальную фигуру «вождя народов». Но падение маршальские звезды это не только тема для волнующих исторических сценариев, это еще и жгучая политическая тема. Когда за Ягодой следует Тухачевский, естественно встает вопрос: что же тво-

рится в ближайшем окружении Сталина? *Quis custodet custodem?* Кто устережет стража?

«Правда» писала недавно, что нельзя доверять даже раскаявшимся оппозиционерам, «ни одному». Но после снятия с постов Ягоды и Тухачевского ясно, что диктатор не может уже доверять никому. Такова логика единодержавия. «Погибель» самовластных героев таится всегда в их ближайшем окружении. Ежов знает о судьбе Ягоды, — какова-же цена его сегодняшней верности? Ворошилов знает о судьбе Тухачевского, — что затаил он в себе, если даже сам помог Сталину убрать Тухачевского? Русская история, вводимая сейчас в моду, богата поучительными и мрачными эпизодами. Иосиф Сталин не оказывается ли в Кремле на положении Павла I-го в Инженерном замке? Своими воплями о повсеместных террористических заговорах он сам выдает свой страх...

Мы не знаем, будет-ли Тухачевский посажен на скамью подсудимых, как разоблаченный террорист. Перевод фактического руководителя Красной Армии на второстепенную должность командующего Приволжским военным округом очень уж напоминает перевод Рыкова, а затем Ягоды на должность Наркомпочтеля! Важно знать другое — с какой реальной опасностью боролся Сталин, свержая вчерашнего своего ставленника?

Мировая буржуазная пресса, нетерпеливо ждущая и не могущая дожидаться русского Термидора или Брюмера, как неизбежного завершения сталинского курса, видела в блестящем маршале Тухачевском грядущего русского Бонапарта. В последнее время именно он как бы воплощал в своем лице ту связь между старым и новым, которая составляла квинт-эссенцию государственной мудрости Наполеона. Именно он стал олицетворением исторической преемственности, возродителем «славы русского оружия», носителем нового национального духа армии. Правда, Тухачевский действовал по указаниям Сталина. Но он слишком выдвигался

политической власти в процессе социальной революции. Французские социалисты осуществляют во главе Народного Фронта правительственную власть в капиталистическом государстве; но это еще не значит, что французский пролетариат завоевал политическую власть.

Поэтому социалистическое руководство Народного Фронта вынуждено заключать постоянные компромиссы: компромиссы с буржуазными радикалами, без поддержки которых оно не может обойтись; компромиссы с классом капиталистов, хотя и не представленным в правительстве, но остающимся крупной общественной силой до тех пор, пока ему принадлежат общественное богатство и распоряжение средствами производства и обмена; компромиссы с английским консервативным правительством, союз которого необходим Франции, угрожаемой фашистской Германией и фашистской Италией.

Политика французского правительства Народного Фронта по отношению к Испании, политика «невмешательства» была и остается навязанным социалистическому руководству Народного Фронта компромиссом с буржуазными радикалами Франции, с одной стороны, с английским правительством, с другой.

Экономическая политика французского правительства Народного Фронта дает нам примеры таких-же компромиссов. Девальвируя франк, правительство хотело в порядке налогового обложения конфисковать всю прибыль от девальвации, которую могли бы получить капиталисты, накапливавшие золото; ему пришлось от-

казаться от этого, когда оно было вынуждено, для удовлетворения бюджетных нужд, заключить у капиталистов заем. Правильно-ли поступают те, которые называют это «капитуляцией» пред капиталистами? И мелкий буржуа ненавидит капитализм; но он хотел бы уничтожить законы капиталистического обращения, не уничтожая частной собственности на средства производства. Для марксиста-же нет ничего неожиданного в том, что естественные законы процесса капиталистического производства и обращения, а через них интересы класса капиталистов неизбежно пробивают себе дорогу вопреки любому правительству и любому правительственному мероприятию, пока рабочий класс оказывается еще не в состоянии уничтожить основу этих законов, первопричину их силы, т. е. частную собственность на концентрированные орудия производства и обмена.

Но поскольку остаются в силе экономические законы капитализма, в силе остаются и его социальные законы. Поскольку капитал и труд противостоят друг другу, постольку сохраняется и колебание мелкой буржуазии между ними. Французский мелкий буржуа и французский крестьянин, сомкнувшиеся вчера с пролетариатом, — не вернутся-ли они завтра снова под эгиду капитализма и не взорвут-ли таким образом Народный Фронт?

Вспомним австрийский опыт! Когда победа контр-революции в Венгрии укрепила реакционные настроения и в Австрии; когда бунтарские настроения, с которыми мелкобуржуазные и крестьянские солдаты вернулись

нулся вперед. Лелеял-ли он втайне мечту о роли русского Бонапарта? Или Ягода, борясь за свою жизнь, развил брошенный Радеком на суде «намеки» *) и оклеветал в глазах диктатора одного из виновников своего падения, — если верно, что падение Ягоды, вносившего в Красную Армию отраву шпионства, доноительства и интригантства, было вызвано ультиматумом вождей армии Сталину?

Как бы там ни было, Тухачевский стал подозрителен Сталину, как возможный соперник. Уничтожив в процессах ряд соперников, опасных своим партийным и революционным значением в прошлом, Сталин неизбежно толкается на путь истребления собственных креатур, завоевавших черезчур большое влияние в настоящем. Убрав одного кандидата в русские Бонапарты, Сталин не устранил бонапартистской опасности, которую он собственными руками, всей своей политикой плебисцитарного цезаризма, порождает и усиливает ежедневно.

Но точно-ли устранение Тухачевского это удар «хранителя революции» направо, по бонапартистской опасности? Политическая физиономия Тухачевского не ясна. В начальные годы Красной Армии он был одним из самых ярких представителей той «левацкой» военной доктрины, которая мечтала о внесении революции в соседние страны на острие штыков Красной Армии. Троцкий в своей последней книге как раз напомнил о том, что именно Тухачевский поднял в Коминтерне вопрос об образовании при последнем «мирового генерального штаба». Так ли уж искренне было превраще-

*) Во время второго московского процесса троцкистов Радек заявил, что адъютант Тухачевского **Смутный** служил посредником между **Путной**, военным атташе при лондонском полпредстве, и московскими троцкистами. Лишь в следующем заседании суда Радек, отвечая на вопрос Вышинского, заявил, что Тухачевский к делу совершенно не причастен и не знал, что делалось в его окружении. Едва-ли, однако, Радек пустил свою парфянскую стрелу в Тухачевского без ведома, а может быть, и наущения следователей ГПУ или самого Вышинского.

домой из окопов, начали спадать, — буржуазии удалось вернуть себе преобладающее влияние на мелкобуржуазно-крестьянские партии, мобилизовать мелкобуржуазно-крестьянские массы против социалистического возглавления Реннеровского «правительства Народного Фронта», возложить на гегемонию пролетариата ответственность за инфляцию, за дороговизну, за стеснения хозяйственной свободы, за нарушающие спокойствие мелкого буржуа бурные массовые движения. Мелкий буржуа, вставший осенью 1918 года под руководство пролетариата, снова переметнулся во второй половине 1919 года в фарватер буржуазии. Вследствие этого сопротивление буржуазных участников коалиции против требуемых рабочими массами мер усилилось. Коалиция стала бесплодной и непереносной. Она была взорвана. Однако, политические результаты «правительства Народного Фронта» — республика, широкая автономия провинций и муниципалитетов, сделавшая возможными великие достижения красной Вены, мощное влияние сильно выросшей пролетарской партии и профессиональных союзов — и после падения «правительства Народного Фронта» держались еще почти полтора десятка лет и смогли быть уничтожены лишь фашизмом; социальные-же результаты, законодательное творение Фердинанда Ганнуша, и фашизм не посмел разрушить до конца.

Нет, конечно, ничего невероятного в том, что исторический процесс, пережитый Австрией в 1918-1920 годах, социальный процесс, взорвавшийся в 1920 году правительства Реннера, повторится и во Франции. Широкие слои

ние Тухачевского в возродителя традиций Александра Невского, кн. Пожарского и Суворова? Не вызвало-ли в нем сталинское отталкивание от октября рецидива старых социал-революционных настроений? Не явилась-ли опала Тухачевского эпизодом той беспощадной чистки партийных организаций Красной Армии от оппозиционеров, которая проводится сейчас под флагом осуществления партийной демократии, «не взирая на лица»?

Повидимому, и в военных партийных организациях сильно угнездились оппозиционные настроения, как левые, «троцкистские», так и правые. В отчетах об окружных военно-партийных конференциях, созываемых для «тайных» перевыборов партийных комитетов, работа Политического Управления РККА, в частности пуокров, признана совершенно негодной. Особенно неблагополучны пуокры по части чрезмерного бюрократизма и недостатка «революционной бдительности». На конференции ленинградского военного округа треть прежнего состава окружного парткомитета была забаллотирована. В ряде военных округов идут широкие аресты «троцкистов» и их «правых пособников». Если судить по этим фактам, оппозиционные настроения в парторганизациях Красной Армии, несмотря на повторные чистки и на всеобщую проверку партдокументов, еще далеко не «выкорчеваны». Повидимому, в Красной Армии еще живут кое-где революционно-интернационалистские традиции, связанные с именем создателя Красной Армии Троцкого, а в других ее слоях, связанных с рядовым крестьянством и с низами рабочего класса, там и тут прорывается недовольство сталинским руководством, делающим ставку на зажиточную и веселую жизнь привилегированных слоев «бесклассового общества».

Отсюда — реформа управления Красной Армии, совпавшая с опалой Тухачевского, с перемещением ряда высших чинов Армии и с перевыборами военно-партийных комитетов. Утвержденное председа-

французской мелкой буржуазии, несомненно, возмущаются дороговизной, возросшими «социальными тяготами», частыми массовыми стачками, «требовательностью пролетариата». Капиталистическая реакция старается использовать это озлобление мелкобуржуазных слоев, чтобы натравить их на социалистическое руководство Народного Фронта. Настроение мелкобуржуазных слоев передается радикальной партии. Если французскому классу капиталистов удастся перетянуть под свое руководство широкие мелкобуржуазные массы, сомкнувшиеся с пролетариатом в Народный Фронт, то Народный Фронт будет взорван, его правительство смещено буржуазным правительством. Он окажется в этом случае лишь преходящим эпизодом в истории классовой борьбы. Но и в этом случае «эксперимент Блюма» оставит по себе прочные результаты, которых не смогут уничтожить и последующие капиталистические правительства. Такими прочными результатами останутся гигантское усиление пролетарских партий и профсоюзов и социальное законодательство, которое и капиталистической реакции не удастся повернуть вспять на уровень 1935 года.

Более того! Если бы правительство Народного Фронта было свергнуто коммунистами, то, вероятно, было бы уничтожено единство действий обеих пролетарских партий, и пропасть между ними стала бы глубже. Если же правительство Народного Фронта потерпит крушение вследствие перемены настроения мелкой буржуазии и будет свергнуто буржуазными радикалами, то,

лями ЦИК и СНК Союза (обычная подпись секретаря ЦК ВКП, Сталина, отсутствует на сей раз!) Калинин и Молотовым «Положение о Военном Совете округа (флота, армии) РККА» от 16 мая 1938 г. делает «высшим представителем военной власти в округе» Военный Совет в составе командующего войсками округа и двух членов. Согласно ст. 4 Положения «военный Совет округа несет полную ответственность за политико-моральное состояние, постоянную боевую и мобилизационную готовность войсковых частей и военных учреждений, расположенных на территории округа». В частности, на Военный Совет возлагается «воспитание красноармейцев в духе беззаветной преданности родине и советской власти, в духе беспощадной борьбы с врагами народа — со шпионами, диверсантами, вредителями» (надо разуместь... с троцкистами и правыми оппозиционерами!). Военный Совет округа подчиняется непосредственно Народному Комиссару СССР.

Возможно, что военно-организационный момент — укрепление боеподготовки Красной Армии — играет известную роль и в этой реформе, и в связанных с нею перемещениях командного состава. Но несомненно прав лондонский «Таймс», когда, в первую очередь, подчеркивает политическую сторону дела.

Введение коллегиального начала в управление военными округами порывает со сталинской практикой единоначалия. С дуализмом в командовании армии было покончено в основном с того момента, как в командном составе РККА коммунисты оказались уже в большинстве, а в составе «нижних чинов» комсомольцы стали составлять все больший процент. Введение единоначалия означало шаг на пути к поднятию авторитета командиров и к усилению боеподготовки армии. Возвращение к коллегиальному началу явно продиктовано недоверием диктатора к политической надежности командного состава армии и необходимостью усилить контроль партии, в свою очередь очищенной от оппозиции

и превращенной в послушное орудие диктатора, над командирами и над «политико-моральным состоянием» армейских масс.

Учреждение военных советов в округах должно компенсировать устранение ГПУ от наблюдения над политическим и моральным состоянием армии. Институт военных комиссаров при отдельных частях армии отныне будет весть не только «воспитанием красноармейцев», но и контролем над политической благонадежностью командного состава. Эта реформа спасает престиж Красной Армии, которую «оскорблял» тайный надзор ГПУ, но в то же время «военизация» всего политического контроля усиливает этот контроль и непосредственно подчиняет его органы Наркомвоен Воршилову, а через него ЦК партии и — Сталину.

Начальник Политического Управления РККА Гамарник в день опубликования Положения о военных советах предписал пуокам, комиссарам частей и политрукам сосредоточить свое внимание на усвоении красноармейцами новой сталинской конституции. Но это усвоение новой, «самой демократической» конституции грозит превратиться в нудное и бесплодное зазубривание казарменной «словесности», поскольку одновременное нещадное искоренение всякого духа критики, всякой оппозиционной мысли, всякой политической самостоятельности как в армии, так и в стране наглядно иллюстрирует перед красноармейцами, как и перед не окончательно еще опретиоранившейся частью командного состава, всю лживость сталинского демократизма.

Красная Армия находится на распутье. Политика диктатуры толкает ее на путь бонапартизма. Кровная связь ее с народными массами может еще быть восстановлена — и помочь демократическому завершению революции — лишь в том случае, если трудящиеся массы Союза, во главе с рабочим классом, пробудятся к политической активности. Этого требуют внутренние интересы страны. Этого требуют и интересы ее внешней безопасности.

вероятно, пролетариат ответит «организационным единством», слиянием обеих пролетарских партий в единую партию. Преодоление же раскола во Франции оказалось бы сильнейшее влияние на группировку сил всего мирового пролетариата. В этом случае Народный Фронт и после своего падения оставил бы по себе крупный прочный результат величайшего международного значения.

Однако, отнюдь не сказано, что Народный Фронт окажется лишь преходящим эпизодом в развитии классовой борьбы, который сменится капиталистическими правительствами. Ибо, хотя пока что возможности Народного Фронта замкнуты в известные границы, но в нем заложены силы, которые могут эти границы и взорвать.

Коммунисты агитируют за Народный Фронт во имя «единения», «примирения» всего народа против «200 семейств», т. е. против узкого верхушечного слоя плутократии; против «Кобленца», т. е. против изменников нации, ищущих помощи за границы против своего собственного народа; против «интервенционистов», т. е. против иностранных держав, угрожающих суверенитету отечества. В фразеологии этой агитации Народный Фронт изображается в виде средства преодолеть классовые противоречия внутри нации.

В действительности Народный Фронт обостряет классовые противоречия. Не только тонкий слой плутокра-

тии, вся масса капиталистической буржуазии вообще чувствует свое классовое господство в демократии под угрозой, когда мелкобуржуазные и крестьянские массы ускользают из-под ее руководства и подпадают под руководство пролетариата. Отчаиваясь в возможности господствовать на путях демократии, она поворачивается против демократии. Она становится фашистской. Она ищет спасения в лагере бунтующих генералов.

В течение более чем шести десятилетий французская армия привыкла повиноваться республиканскому гражданскому правительству. В Испании республика существует всего шесть лет, а испанские генералы в течение столетия приучались к заговорам и пронунциаменту. Французская армия, состоящая из рабочих и крестьянских сыновей, — мало подходящее орудие для государственного переворота; испанская армия, гораздо менее численная, несравненно более юная в смысле демократических традиций и насчитывающая в своих рядах несравненно большую долю колониальных войск, оказалась гораздо более пригодной для генеральского мятежа. Гражданская война во Франции открыла бы ворота Франции германской армии; но французский народ достаточно тяжело испытал на себе троескратное германское нашествие в течение одного века, чтобы иметь основание бояться его. Испанские генералы не боялись иностранного нашествия, а призывали его. Французские генералы взбунтовались бы, если бы социалистическое возглавление Народного Фронта вздумало прорвать рамки конституции; испанские генералы

А. ЮГОВ.

Вокруг третьей пятилетки

Сейчас в Советской России, по постановлению Сталина и Молотова, началось обсуждение проблем третьей пятилетки. Созвано специальное совещание для «проработки задач тяжелой индустрии в третью пятилетку». На страницах советских органов появились многочисленные статьи по отдельным вопросам новой пятилетки.

Казенные совещания, сухие, скучные статьи!

Ничего похожего на тот интерес, горение, готовность к жертвам и мистическую веру, которыми была окружена в широких кругах трудящихся первая пятилетка!

Сейчас нет даже и тех смутных надежд и той деловой целеустремленности, которые были в годы осуществления второй пятилетки, когда был взят курс на «сытую и веселую жизнь».

В атмосфере безучастия населения окончили вторую пятилетку, стали вырабатывать третью... Едва ли многие будут вскоре знать какая по счету осуществляется пятилетка. Громадные успехи в области индустриализации не сопровождались существенным улучшением благосостояния масс. Мечты снова отодвинулись в туманную даль.

В значительной мере это равнодушие — расплата за неосуществившиеся надежды, связанные с первыми двумя пятилетками. Но немалую роль играют казенщина и бюрократизм, которыми окружены сейчас в СССР и выработка и осуществление планов.

Когда вырабатывалась первая пятилетка, на всех собраниях, в самых глухих углах Союза шли горячие споры о ее планах, при этом спорили о сущности пятилетки, о ее основных задачах. Город и деревня. Чу-гун и хлеб. Где взять нужные финансовые средства? На кого и в каких долях возложить тяготы и жертвы

во имя пятилетки? Все эти вопросы горячо и страстно обсуждались в памятные годы первых планов.

Когда вырабатывалась вторая пятилетка, формально планы были поставлены на обсуждение самых широких масс, вплоть до заводских собраний, но фактически уже не было никакого широкого обсуждения идей и планов пятилетки, а было лишь техническое оформление директив Политбюро. И в высшей степени характерно, что сейчас при выработке третьей пятилетки наибольший успех имело предложение: организовать обсуждение пятилетки на совместных совещаниях Госплана и Академии Наук. Конечно, в резолюциях пишут и о привлечении широких масс, но на практике обсуждение происходит лишь в кругах хозяйственников и технических специалистов. Да иначе оно и не может быть, поскольку обсуждаются не социально-экономические проблемы, не вопросы, определяющие жизненный уровень масс, а лишь сложные и специальные вопросы, вроде «система турбин», «кислородное дутье в металлургии», «проблемы химической промышленности» и т. п.

Интересно проследить, как изменялись методы, которые руководители советского хозяйства применяли при выработке пятилетних и годовых планов.

В период первой пятилетки руководители первого Госплана долго и с увлечением спорили о методологии планирования, об изучении действительности, об определении закономерностей в советском хозяйстве, о предвидении, о пределах свободы в руководстве хозяйством, о роли плана и рынка и т. п.

Размеры накопления, взаимоотношения индустрии и сельского хозяйства, темпы расширенного воспроизводства, диспропорции между тяжелой и легкой индустрией, покупательная способность населения, баланс рабочей силы — все эти проблемы горячо обсуждались в органах общей и специальной печати.

Планы первой пятилетки многократно изменялись,

взбунтовались, хотя правительство Народного Фронта из рамок конституции не выходило.

Но лишь только капиталистическая буржуазия обостряет свою борьбу против Народного Фронта до вооруженного нападения на конституционный строй, соотношение классовых сил меняется одним ударом. Наскоро сколоченная рабочая милиция спасла испанскую республику от генеральского мятежа. Милиция эта стала ядром республиканской армии. Вооруженный пролетариат диктует испанскому правительству Народного Фронта свою волю. Буржуазные вожди Народного Фронта знают, что в случае победы фашизма им спасения нет; чтобы спасти свои головы, они вынуждены оставаться в лагере Народного Фронта даже тогда, когда Фронт этот в огне гражданской войны существенно изменяет свой характер. Под руководством Народного Фронта Испания совершает в ходе гражданской войны не только свою аграрную революцию, но и экспроприацию значительной части капиталистической промышленности, торговли, банковского дела. Если испанскому народному войску удастся нанести фашистам решительное поражение, то дальнейшее развитие будет протекать под давлением этого революционного войска. Фаза Народного Фронта окажется в этом случае лишь начальной фазой пролетарской революции.

Если Франция, вопреки всему величию достижений Народного Фронта, указывает нам границы его возможностей и его жизнеспособности, то Испания демон-

стрирует нам динамику, способную вывести Народный Фронт за эти границы.

Но не только гражданская война может взорвать границы, в которые механизм буржуазной конституции замыкает Народный Фронт. Они могут быть взорваны и другими событиями.

Современная война требует и на фронте, и в тылу напряжения всех сил народа. Фашизм хочет вынудить это напряжение, подчиняя весь народ своему деспотизму, оглушая весь народ барабанным боем своей националистической пропаганды и пытаясь жестоком насилием уничтожить возможность всякого противодействия этой пропаганде и тем требованиям, которые предъявляет война. Демократия может добиться напряжения всех сил народа на случай войны лишь при условии, что во главе воюющего государства стоят во время войны люди, пользующиеся доверием широких народных масс и могущие воспламенить боеспособность, готовность к жертвам и энтузиазм этих масс. Нет ничего невероятного в том, что грядущая большая война будет вестись или, по крайней мере, будет заканчиваться фашистскими диктатурами на одной стороне, правительствами Народного Фронта на другой. Но, если правительство Народного Фронта будет опираться на мобилизованную, состоящую из трудящихся масс, событиями войны революционизированную армию, то оно неизбежно станет органом вооруженных масс, и тогда рамки, в которые оно поставлено в мирное время, могут быть взорваны, оно может стать органом первой фазы социальной революции.

было выработано 7-8 проектов первой пятилетки до того, как, наконец, приказом Политбюро всякие споры были оборваны и последний проект пятилетки был «объявлен законом», а против работников Госплана и инженеров специалистов была начата серия процессов по обвинению во вредительстве.

При выработке второй пятилетки признание и высочайшее одобрение получили иные принципы. Госплану, мол, нечего заниматься обсуждением общих принципов плана, его задача претворить в план директивы Политбюро. Никакие закономерности не связывают советское хозяйство. Свобода директив от всяких научных предельных и норм доказана успехом первой пятилетки и коллективизации. Стремление увязать пятилетний план в единую систему — ненужная и вредная затея, подсаженная вредителями и воспринятая «болтунами». План — лишь сумма директив для данного периода. ЦК ВКП должна быть предоставлена возможность маневрирования, увеличения или уменьшения заданий в зависимости от новых задач. Оперативное руководство и централизация управления важнее многотомных комментариев и «изучения закономерностей».

Сейчас, в первые же месяцы выработки третьей пятилетки, с исключительной яркостью выявилась полная безыдейность и теоретическая беспомощность Госплана, которому поручена ответственная задача выработки основ третьей пятилетки. Идейный капитал, накопленный творческой работой периода первой пятилетки, которым жили и во времена второй, сейчас оказался весь израсходован.

Нужны новые творческие обобщающие идеи, а их нет ни в художественных докладах работников Госплана, ни в руководящих директивах ЦК.

Одни считают, что основной идеей третьей пятилетки должен быть принцип: «обогнуть Америку», другие — «подчинить технику», третьи — «превысить средний уровень потребления капиталистических стран». Но во

всех этих принципах — лишь перепевы неудавшихся лозунгов первых двух пятилеток.

И, как в других областях советской действительности — в политической, профессиональной и духовной жизни — начался пересмотр принципов работы и в Госплане. Намечается возврат к старым, столь опроверженным ранее, методам работы. Пока еще в робкой форме, с оглядыванием на начальство, с боязнью попасть под очередную чистку. — Но уже начался...

Новый председатель Госплана Г. Смирнов произнес на собрании работников Госплана серую, бюрократическую речь («План» — 1938, № 7). Основная идея его речи, если принять ее в серьез, поистине трагична. «Мы вырабатывали планы, мы их выполняли и перевыполняли». Но... «сами эти планы, можно ли считать их большевистскими? Не приложили ли к составлению этих планов свою руку враги народа?»

Что же останется от большевистского творчества, если первую пятилетку, как утверждали ранее большевики, выработали меньшевики и промпартия, а вторую, как теперь признано, троцкисты и вредители! Немногочисленные критические моменты речи Смирнова были направлены против «ведомственных настроений и узколобого деличества».

Гораздо интереснее были критические выступления по докладу Смирнова.

«Нам часто говорили: не нужно философии (речь идет об экономических обобщениях), дайте грамотные цифры, суммируйте их и делайте все в нужный срок... Одними цифрами обойтись нельзя. Нужно за цифрами видеть политическое и экономическое существо дела, а для этого нужно научиться обобщать явления, нужно глубже заниматься синтетическими вопросами планирования... В Госплане культивировалось деличество...» (Борилин).

«Наблюдается пренебрежение к синтетической работе, «цифирный подход» к делу планирования, отсутствие вкуса к постановке широких экономических про-

Есть немало социалдемократов, недоброжелательно относящихся к Народному Фронту потому, что он предполагает единство действий пролетарских партий. Они упрекают Народный Фронт в том, что коммунистов он усиливает гораздо больше, чем социалистов. И действительно, со времени избирательной победы Народного Фронта число членов К. П. Франции росло быстрее, чем число членов социалистической партии; напротив, дополнительные выборы были для социалистов благоприятнее, чем для коммунистов. Которая из двух партий больше выиграет в конечном счете, решать еще преждевременно. В Испании К. П., ко времени начала гражданской войны бывшая еще незначительной партией, в ходе гражданской войны, несомненно, сильно окрепла. Но это — отнюдь не следствие Народного Фронта, а следствие того факта, что Советский Союз был в состоянии оказывать испанской борьбе за свободу более сильную, видимую и действенную помощь, чем партии, объединенные в РСИ. Но как бы то ни было, мы не можем и не должны судить Народный Фронт с точки зрения его влияния на конкуренцию между пролетарскими партиями; мы должны судить его с точки зрения его значения для класса, для обороны пролетариата против фашизма и, прежде всего, для борьбы пролетариата за власть. Виктор Адлер часто напоминал своим ученикам, чтобы они не забывали, что партия не самоцель, а орудие пролетариата.

Троцкисты и кое-какие идейно родственные троцки-

му социалисты борются против него теми же самыми аргументами, которыми до 1934 года коммунисты боролись против всякой коалиционной политики социалдемократии. Они не дооценивают того прироста мощи, самосознания, боеспособности, которого широкие пролетарские массы достигают в народно-фронтной ситуации и через нее. Они не видят, что в определенных условиях Народный Фронт может оказаться единственным действительным средством для отбития фашистской атаки. Противоставляя Народному Фронту диктатуру пролетариата, они не понимают, что пролетариат должен пройти через многие и многообразные этапы, через многие и многообразные переходные ступени и фазы борьбы, чтобы суметь завоевать политическую власть.

Коммунисты рекомендуют ныне Народный Фронт повсюду, как единственное средство: в странах, в которых широкие слои мелкой буржуазии и крестьянства настроены демократически, республикански, якобински, точно так же, как в странах, в которых эти слои находятся под влиянием реакционного и скатывающегося к фашизму духовенства; в фашистских странах точно так же, как в демократических; в Америке так же, как в Китае. Вопреки обещаниям Димитрова на 7-м конгрессе Коминтерна, коммунисты все еще хотят направлять политику пролетариата во всех странах по одной и той же схеме, не обращая внимания на различие исторических и социальных условий. Но Народный Фронт может возникнуть лишь при совершенно особых исторических условиях: лишь там, где широкие слои мелкой

блем. Не случайно слово «синтетик» стало за последнее время в Госплане ругательным, не случайно все дело планирования многие стали понимать, как совокупность технических приемов по овладению арифмометром, не случайно, что крупнейшие народнохозяйственные проблемы, как проблема амортизации, основных фондов, вопросы улучшения качества продукции и т. д. не занимают соответствующего места в работах Госплана» (Турецкий).

«Дело, разумеется, не сводится к тому, как предлагают некоторые товарищи, чтобы перестроить организационную структуру Госплана... Задача заключается в том, чтобы заставить отделы и секторы заниматься синтетической разработкой вопросов народного хозяйства, систематически и упорно изучать экономику и технику... Необходимо резко повысить качество работы Госплана, всесторонне и глубоко изучать вопросы, связанные с организацией труда, себестоимостью с анализом финансового хозяйства...» (Троицкий).

Мы привели эти выдержки из речей руководящих работников Госплана, чтобы показать, что наше мнение о тупике, в котором пребывает творческая работа Госплана накануне выработки третьей пятилетки, разделяется даже многими работниками высшего планового учреждения СССР.

Борьба с независимой мыслью, вытравливание всякой самостоятельной творческой инициативы, бюрократизация всей духовной жизни, подчинение ее директи-

буржуазии и крестьянства готовы объединяться с пролетариатом против общего врага и во имя борьбы с этим врагом становиться под руководство пролетариата. Бывают в ходе развития капиталистического общества ситуации, когда мелкая буржуазия и крестьянство готовы на это; но бывают и ситуации, когда никакие тактические маневры, никакие уговоры и никакое льстивое подлаживание их подвинуть на это не могут.

Коммунисты рекомендуют тактику Народного Фронта и пролетарским партиям фашистских стран. И действительно, в фашистских государствах имеются широкие мелкобуржуазные и крестьянские массы, ненавидящие фашистскую деспотию. Но эти массы сплотятся вокруг пролетариата лишь тогда, когда увидят его столь сильным, боеспособным и готовым к бою, что смогут надеяться в союзе с пролетариатом и под его руководством свалить ненавистную деспотию. Вождь всего трудящегося народа против фашистской тирании пролетариат сможет стать лишь тогда, когда сам снова станет сильным и боеспособным. Только сильный может завоевать гегемонию.

Сплотить Народный Фронт против фашизма пролетарские партии фашистских стран смогут поэтому не тем, что будут подлаживаться к фашистским и полуфашистским вождям мелкой буржуазии, принаровлять свой язык к способу выражения, к идеологии и к предразсудкам мелкой буржуазии и ей в угоду скрывать свои цели. Наоборот, они должны говорить революционизирующим языком классовой борьбы, чтобы снова пробудить классовое сознание разгромленных и запуганных фашизмом рабочих масс, их самосознание, их веру в самих себя и в свою историческую миссию, а вместе с тем и их волю к борьбе. И лишь после того, как им удастся таким образом вновь вовлечь рабочий класс в великие и духовно-поднимающие бои, враждебные фашизму слои мелкой буржуазии и крестьянства начнут сплачиваться вокруг пролетариата. И лишь тогда станет возможным и в фашистских странах Народный Фронт против фашизма.

вам Сталина привели к кризису все области духовной жизни страны, в том числе и плановую работу.

Ирония жизни в том, что СССР, первая страна, осуществляющая хозяйственную деятельность на основе плана, позволила диктатуре и бюрократии убить план.

Как и в других областях советской жизни, советская власть и в области плана ищет выхода в компромиссах, в сочетании самостоятельности с рабским послушанием.

Но действительный выход лишь в радикальном решении вопроса. Надо отказаться от не марксистского взгляда: большевикам все возможно. Планы должны составляться на основе серьезного тщательного изучения действительной жизни, возможностей к расширенному производству и потребностей населения. Планы должны быть синтезом потребностей страны и населения и достигнутых материальных возможностей.

Но самое главное, население должно иметь возможность обсуждать не только технические вопросы, не только мелочи производственного процесса данного завода, а основные принципы планов пятилетки.

Несомненно очень важно решить разукрупнить ли или централизовать производство инструментов и станкостроение, строить ли в третью пятилетку канал Волжско-Донской, или отложить до четвертой пятилетки, но гораздо важнее, чтобы каждый рабочий, каждый крестьянин, каждый трудящийся в СССР, сам или через своих представителей, мог обсуждать и решать вопрос о том, какие насущные потребности населения следует удовлетворить в первую очередь, какое допустимо налоговое обложение и как распределить народное накопление.

Трудящиеся должны сделаться подлинными хозяевами страны. Они должны давать основное направление и утверждать всяческие хозяйственные планы страны.

Только в этом случае и демократия и пятилетние планы перестанут быть фикцией, а будут отражать и стимулировать творческую жизнь населения.

С. ШВАРЦ.

К итогам пленума ВЦСПС

15-го мая пленум ВЦСПС закончил свою беспримерную по продолжительности сессию, приняв пространную резолюцию «об отчетах профсоюзных органов в связи с переизборами последних» (какая это чернильная душа придумала такое название резолюции?) и кое-какие менее важные постановления и избрав новый президиум и новый секретариат ВЦСПС.

Выборы были произведены, как особо подчеркивается в газетных отчетах, тайным голосованием. Но это демократическое новшество явно носило какой-то несерьезный, рекламный характер. Достаточно отметить, что о числе голосов, полученных каждым из избранных, не сообщается ни слова и — главное — остается секретом, сколько голосов получили не избранные ни в секретариат, ни даже в президиум ВЦСПС старые секретари его. И как это случилось, что Вейнберг, Аболин и Евреинов, не говоря уже о Полонском, оказались за бортом, а Шверник, который отнюдь не лучше своих прежних товарищей по секретариату и, конечно, не меньше, а даже больше их ответственен за все грехи и преступления старого руководства, оказался на первом месте в списке избранных членов секретариата и президиума? В порядке сколько-нибудь демократических выборов это, конечно, было бы nonsensum.

Итак, во главе ВЦСПС остается Шверник, усердный, но совершенно бесцветный чиновник, не только не способный быть действительным вождем движения, но

даже явно об этом и не помышляющий. Это старательный и исполнительный приказчик ЦК компартии и больше ничего. Кроме Шверника из старых секретарей в состав нового секретариата и президиума вошла лишь Клавдия Николаева, в порядке назначения «введенная» в состав пленума, президиума и секретариата ВЦСПС в сентябре 1936 г. Николаева была когда-то хорошим представителем среднего партийного офицерства, энергичным, стойким, преданным делу рабочего класса работником партии и была даже избрана в 1924 г. в состав ЦК ВКП. Вместе с зиновьевцами она была исключена из партии, но позже капитулировала и вернулась к работе явно с перебитым хребтом. Ее «введение» в секретариат ВЦСПС уже не могло ее оживить. Достаточно сказать, что ни во время четырехдневных прений на собрании актива ВЦСПС в конце марта, ни во время почти трехнедельных бдений последнего пленума ВЦСПС Николаева, судя по отчетам, не произнесла ни слова, хотя имя ее в связи с ее деятельностью — вернее, бездеятельностью — в ВЦСПС «критически» упоминалось не раз. Кроме Шверника и Николаевой в состав секретариата избраны три новых лица: председатели ЦК союзов тяжелого машиностроения (Москатов), обувной промышленности (Брегман) и резиново-каучуковой промышленности (Егоров). Все трое люди уже не молодые, около четверти века участвующие в рабочем движении, но за это время ни разу ничем особенно не выдлившиеся. На пленуме, судя по отчетам, Москатов вообще не выступал, речь Брегмана («Труд» от 5-го мая) не подымалась над средним уровнем, а выступление Егоровой («Труд» от 9-го мая) было даже явно ниже этого уровня. Избрание их в состав ВЦСПС отнюдь не означает демократического обновления бюрократически окостеневшего руководящего центра профдвижения, а является лишь попыткой освежения аппарата новыми, не скомпрометированными лицами, которым однако и в голову не может придти проявить какую-либо самостоятельность по отношению к облеченному высшим «доверием» Швернику. Шверники и да продолжается.

Повидимому, в тех же тонах выдержан и состав нового президиума ВЦСПС. Кроме пяти секретарей ВЦСПС в состав президиума входят десять человек, из которых только Лозовский был и до сих пор членом президиума и Соболев кандидатом в члены президиума. Общее впечатление от этого списка — впечатление серости. Но одно имя среди членов нового президиума поражает: в состав его избран Талалай, председатель избранной 9-м съездом профсоюзов ревизионной комиссии ВЦСПС. На пленуме Талалай выступил с пространной критической речью, цитированной мною по краткому отчету «Труда» от 5-го мая в предыдущем номере «С. В.». За это время нами получен более подробный отчет об этой речи («Труд» от 11-го мая), в которой были выдвинуты очень тяжелые обвинения против Шверника. Беспеременное обращение с общественными суммами, фальсифицированные отчеты правительству о расходовании средств социального страхования, грубое нарушение постановлений о сокращении штатов и т. д., и т. д. — все это ревизионная комиссия констатировала не раз и не раз обращалась в президиум ВЦСПС с требованием об устранении беззаконий. Все напрасно:

«Несколько раз я просил тов. Шверника и тов. Вейнберга заслушать акт ревизионной комиссии на заседании, если не президиума, то хотя бы секретариата, ибо вопросы чрезвычайно важные и мы настаиваем на исправлении вскрытых недостатков. Не помогло. Тогда мы перешли к писанию документов. В декабре 1935 г.

я послал тов. Швернику письмо с просьбой обсудить выводы ревизионной комиссии. Все равно не помогло. Этот акт президиумом, а также секретариатом ВЦСПС так и не был обсужден».

Что ответил, да и ответил ли Шверник на пленуме на эти тяжкие обвинения, мы так и не знаем. Пленум закрылся еще 15-го мая, предо мною «Труд» до 20-го включительно, но об ответе Шверника Талалаю здесь ни полслова. И после этого Талалай избирается в состав возглавляемого Шверником президиума ВЦСПС, т. е. одновременно «выводится» из состава ревизионной комиссии (избранной съездом!). Не означает ли это попытки — в виду предстоящего осенью съезда профсоюзов — зажать рот неприятному критику, особенно неприятному в роли председателя ревизионной комиссии?

Если в вопросе о личном составе руководящего центра профдвижения удалось — пока! — обеспечить преемственность бюрократического господства, то в вопросах о задачах профсоюзов и о методах их организации и работы на пленуме действительно наметился принципиальный поворот. Уже в предыдущей статье я подчеркнул намечающееся возвращение профсоюзов к активной роли в вопросах охраны труда и заработной платы. При этом активность профсоюзов мотивируется не интересами производства или по крайней мере не в первую очередь интересами производства, как это было характерно для всего периода советского профдвижения со времени разгрома в 1929 году «трэд-юнионистского» руководства Томского, — а интересами «заботы о человеке», интересами рабочих, как тружеников, или точнее — о чем, конечно, трусливо умалчивается — как продавцов рабочей силы. Затравленный и оклеветанный Томский берет из-за могилы реванш за все несправедливо нанесенные ему обиды.

Но господствующая бюрократия должна была бы изменить своей природе, чтобы признаться открыто в своем поражении. Возврат к советскому трэд-юнионизму? Ни за что! Напротив, именно сейчас усиливается поход против «контр-революционного трэд-юнионизма» Томского «и его группы». Даже и мертвый Томский оказывается опасен, и чего-чего только не велят сейчас на него и на его «трэд-юнионизм» современные горе-теоретики. Оказывается, «остатки трэд-юнионизма» живы «в безразличном отношении к бюрократическим извращениям в работе хозяйственных и профсоюзных органов по удовлетворению культурно-бытовых нужд рабочих и служащих». «Трэд-юнионистское» влияние сказывается и в том, что «профсоюзные работники не смогли вскрыть вредителей в охране труда, в социальном страховании, вредительскую работу в снабжении рабочих, в жилищном строительстве» (все цитаты из резолюции пленума). «Остатки трэд-юнионизма»? Но разве для «трэд-юнионизма» не характерно как раз обратное — повышенный интерес к работе по «удовлетворению культурно-бытовых нужд рабочих и служащих» и т. п.? Разве основное обвинение против Томского «и его группы» не сводилось к тому, что они склонны были во имя «удовлетворения культурно-бытовых нужд рабочих и служащих» забывать об «интересах государства»? Теперь все понятия ставятся на голову: бюрократическая косность и пренебрежение к интересам рабочих, как они сложились и окрепли в борьбе против «трэд-юнионизма», объявляются характерными чертами «трэд-юнионизма». На каких дуррачков рассчитана такая аргументация?

Эта трусливая, подлинно-шверниковская полемика должна не только прикрыть, но и замедлить ставшее неизбежным отступление. Ведь как не хочется «перестраиваться». Что-то еще принесет эта перестройка? И, где возможно, бюрократия пытается задержаться.

Уже в прошлом номере я писал о наметившемся повороте в вопросе о коллективных договорах. Об этом много говорилось на пленуме. Необходимость вернуться к коллективным договорам, фактически умершим в 1933 году, сейчас общепризнана. Никто не решился на пленуме выступить против этой мысли. И в резолюции пленума черным по белому написано: «Восстановить практику коллективных договоров между профсоюзами и хозорганами». Но — «заключение коллективных договоров приурочить к утверждению народно-хозяйственного плана на 1938 год», т. е. оттянуть дело еще почти на год. Бюрократия верна себе: хоть день, да мой!

Та же двойственность в организационных вопросах. Необходимость демократизации профсоюзов не может уже принципиально оспариваться. «Труд» и «Правда» призывают к рабочей самодеятельности и массовой активности с такой нарочитой горячностью, что дальше некуда. Пленум постановляет произвести пере выборы всех профорганов, начиная с фабзавкомов, чего не было более 3 лет, ввести повсеместно тайное голосование, оживить и демократизировать всю работу профсоюза. Но демократизация мыслится по преимуществу механически, и основным критерием демократичности того или иного профоргана объявляется — количество ораторов на том или ином собрании или частота выездов членов профоргана на предприятия. Как будто разъезды по предприятиям сами по себе могут хотя бы в минимальной степени гарантировать от «отрыва от масс».

В поисках организационного ключика к таинственной демократической шкатулке пленум метнулся сейчас в сторону совершенно бессмысленной «реформы»: упраздняются межсоюзные органы. Это типичная скороспелая реформа, каких за последние годы было немало (достаточно вспомнить хотя бы разукрупнение профсоюзов), импровизированная в канцеляриях коммунистического Цека и по шучьему велению восторженно одобряемая профсоюзной «общественностью». На этот раз, правда, даже на пленуме нашлось несколько противников «реформы». Их предостерегающие голоса услышаны, однако, не были. И пленум постановил упразднить все межсоюзные органы, кроме ВЦСПС, мотивируя эту меру — громадностью и многообразием, а потому и непосильностью лежащих на совпрофах задач. Трудно и представить себе более глупую мотивировку. И можно быть совершенно уверенным, что упраздняемые сейчас совпрофы в той или иной форме опять возродятся, так как при раздробленности профессионального движения (163 союза) создание на местах объединяющего союза органа является просто необходимостью, а в провинции для многих численно сла-

бых союзов прямо вопросом существования. Если это не случится, это неизбежно приведет к созданию на местах, вместо межсоюзных органов, какой-либо агентуры ВЦСПС («уполномоченные», «оргбюро» и т. п.), т. е. к усилению не демократизма, а бюрократизма. Не этого ли хотели легкомысленные авторы реформы?

Или, может быть, роль органа, объединяющего и согласующего на местах деятельность профсоюзов, должны принять на себя парткомы? На первый взгляд эта мысль может показаться чудовищной, но в наших условиях и с нею приходится считаться. Тем более, что никогда еще подчиненность профсоюзов партии, их полная несамостоятельность не подчеркивалась так настойчиво, как сейчас. Вплоть до того, что даже в сфере своих непосредственных задач профсоюзы проводят не просто ту или иную политику, а лишь борются «за правильное осуществление политики партии в области заработной платы», охраны труда и пр. («Труд» от 11-го мая, передовая). Характерен уже самый факт постоянного изо дня в день подчеркивания в «Труде» «громкой роли», которую сыграло «непосредственное участие» в работах пленума секретарей ЦК ВКП Кагановича и Андреева: «Их неоднократные выступления на пленуме по отдельным вопросам, их работа в комиссии по составлению резолюции подняли весь пленум на большую высоту и обеспечили принятие таких решений, которых ждал от пленума весь организованный в профсоюзах рабочий класс СССР» («Труд» от 16-го мая, передовая). При этом Андреев на пленуме не выступал ни разу, а «Лазарь Моисеевич», правда, произнес 11-го мая «замечательную речь», но для читателей советской прессы она остается до сих пор тайной.

Впрочем, речь эта могла быть и впрямь хороша; Каганович действительно головой выше руководителей советского профдвижения. Но почему это речь секретаря ЦК ВКП? Ведь Каганович сам член ВЦСПС и даже до сих пор был членом его президиума. Об этом авторы отчетов в советской печати не решаются даже напомнить. Речь Кагановича в качестве рядового участника пленума ВЦСПС? Против такого кощунства глубоко возмущается наше вновь обретенное демократическое чувство.

Вся эта бюрократически-партийная кутерьма немало затрудняет дело действительной демократизации профсоюзов. Но лед, сковывающий активность рабочих масс, уже начинает трещать. Об этом убедительно говорит поспешность принципиальной переориентировки проф- и партбюрократии, готовой отказаться от всех своих принципов, лишь бы сохранить свое господство. Теперь уже, может быть, не надолго.

В Социалистическом Интернационале Молодежи

24-25 апреля состоялось в Амстердаме очередное заседание Исполкома СИМ'а, посвященное главным образом **испанскому вопросу**.

В первый раз после объединения социалистической и коммунистической организаций молодежи Испании в заседании Исполкома приняла участие делегация объединенного союза во главе с генеральным секретарем т. Карильо. Последний представил Интернационалу обстоятельный доклад о положении дел в Испании и о деятельности своей организации. От имени всех своих товарищей он выразил Интернационалу благодарность за поддержку, оказанную как отдельными секциями, так и Интернационалом в целом героической борьбе испанского народа. Карильо подробно остановился на решении Ц. К. объединенного союза принять активное уча-

стие в деятельности СИМ'а в качестве одной из его национальных секций. Испанские товарищи уверены, что путем сотрудничества с СИМ'ом они приблизят час преодоления раскола и в других странах. Объединенный Союз Социалистической Молодежи Испании насчитывает 300.000 членов.

Заслушав доклад т. Карильо, Исполком **единогласно**, под гром аплодисментов, утвердил объединенный союз Испании в качестве полноправной секции Социалистического Интернационала Молодежи. Затем начались оживленные прения по докладу т. Карильо, в результате которых Исполком **единогласно** принял обширную резолюцию, основные моменты которой сводятся к следующему.

Исполком выражает свое восхищение борьбой испанского народа за свободу и принимает к сведению объединение со-

циалистической и коммунистической организаций молодежи в Испании. Заслушав с большим интересом доклад т. Карильо о положении дел в объединенном союзе, Исполком с великой радостью утверждает присоединение испанского союза к СИМ'у.

«Исполком констатирует, что пакт о невмешательстве непрерывно нарушается фашистскими диктаторами... Гитлер и Муссолини послали в Испанию настоящие армии... В этих условиях политика невмешательства становится орудием поощрения мятежных генералов и затруднения скорой победы испанских рабочих. Исполком ожидает поэтому от РСИ энергичного давления на демократические правительства, подписавшие договор о невмешательстве, с целью побудить эти правительства пересмотреть свою точку зрения, если и в дальнейшем политика невмешательства будет сводиться лишь к обману. В этом случае республиканская Испания должна получить действительную поддержку, на которую она имеет полное право».

Исполком призвал все секции СИМ'а удвоить свои усилия по оказанию помощи Испании и проводить эту помощь «там, где это возможно, в контакте с рабочими организациями и совместно с демократическими организациями молодежи». Он постановил также провести день международной солидарности социалистической молодежи с испанским народом.

Единогласно принял Исполком приглашение испанских товарищей послать делегацию СИМ'а в Испанию. Делегации поручено между прочим выяснить на месте целесообразность: 1. сотрудничества СИМ'а и КИМ'а в деле оказания помощи Испании и 2. посылки особой совместной делегации обоих Интернационалов молодежи в Испанию *).

Кроме испанского вопроса в порядке дня стоял ряд организационных дел. Отметим принятие в СИМ фламандской организации молодежи в Бельгии, норвежского союза молодежи и бундовской организации в Польше «Цукунфт».

Образована комиссия из представителей СИМ'а и Интернационала Социалистического Воспитания для разработки педагогических проблем. По отношению к так наз. Женевскому Комитету Международного Юношеского Конгресса решено рекомендовать секциям СИМ'а принять участие в национальных секциях этой организации, поскольку такое участие отвечает задачам отдельных секций.

В заседании Исполкома приняли участие представители Австрии, Бельгии («Молодая Гвардия» и фламандский союз), Болгарии, Германии, Голландии, Дании, Испании, Польши («Цукунфт»), России (с.д. т. Сапир), Чехословакии, Швейцарии, Швеции. РСИ был представлен т. Ф. Адлером, МФПС т. Скевенельсом. Кроме того прислали делегатов Рабочий Социалистический Спортивный Интернационал и Интернационал Социалистического Воспитания.

Заседанию Исполкома предшествовало совещание ответственных работников СИМ'а, посвященное проблемам демократического социализма.

ЗАГРАНИЦЕЙ

К АРЕСТУ С. ЕЖОВА И К. ЗАХАРОВОЙ.

Негодующие статьи о возмутительной расправе сталинской диктатуры с нашими славными товарищами, как и с социалистами вообще, помещены в Информационном Бюллетене, издаваемом секретариатом РСИ, в органах голландской и датской социалдемократии и в ряде других социалистических и рабочих газет различных стран.

*) Последнее решение было принято по предложению Делегаций Австрии, Болгарии, Бельгии (фламандский союз), Польши («Цукунфт»), России (с.д.) и Швейцарии.

“DER KAMPF”

INTERNATIONALE REVUE

выходит в расширенном виде — 48 страниц вместо 32 страниц. Статьи по проблемам международной политики и экономики и социалистического движения. Постоянные обзоры (мировая политика, международный социализм, профессиональное движение, Советский Союз). Библиография. Обзор журналов.

Редактор: Otto BAUER.

Цена отдельного номера 4 франка, подписная плата на год 40 франков.

Генеральное представительство для Франции:
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК.

В ПОЛЬСКОМ БУНДЕ.

В связи с волною антисемитизма, проповедуемого и практикуемого ныне всей буржуазией в Польше, интересно отметить, что Бунд, партия еврейского рабочего класса в Польше, стал сильнейшей партией еврейства и обошел партии еврейской буржуазии.

Центральный орган Бунда «Нейе Фольксцайтунг» значительно повысил свой тираж. Бундовская организация молодежи «Цукунфт» приобрела за последнее время несколько тысяч новых членов и стала самой сильной организацией социалистической молодежи в Польше. На последнем съезде еврейских рабочих и служащих, входящих составною частью в общую организацию свободных профессиональных союзов, было представлено около 80.000 членов, причем из 250 делегатов почти 200 были членами Бунда; это свидетельствует о руководящей роли Бунда в профессиональном движении еврейского рабочего класса.

Недавно состоялось пленарное заседание Центрального Комитета Бунда, принявшее важные решения. В одной из резолюций снова выражается резкий протест против московских процессов. По вопросу об едином фронте Бунд занял ныне решительно отрицательную позицию: на заседании не раздалось ни единого голоса за переговоры с коммунистической партией. Отклонена была и мысль о Народном Фронте, и в связи с этим было отвергнуто участие в созываемом в Париже «мировом конгрессе еврейской культуры», как затее, инспирированной коммунистической политикой Народного Фронта.

В резолюции о политическом положении в Польше говорится:

«ИК Бунда отклоняет всяческие «народные фронты» и тому подобные маневры коммунистов и считает единственно реальной и полезной возможно более энергичную мобилизацию трудящихся масс города и деревни под знаменем социалистических партий и антикапиталистически настроенного крестьянского движения для борьбы за демократию, за социальные преобразования и за рабоче-крестьянское правительство, как то формулировали конференции социалистических партий и профессиональных союзов».

От редакции. — Как видно из предыдущего, еврейский «Народный Фронт», о котором идет выше речь, имеет мало общего с французским Народным Фронтом, а сводится к общееврейскому, т. е. включающему и капиталистическую буржуазию, «национальному единению».

ТОВАРИЩ,
ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!

РОСТ ДАТСКОЙ СОЦИАЛДЕМОКРАТИИ.

Годичный отчет датской социалдемократии сообщает, что число местных партийных организаций выросло за год на 37 и достигло 1.269. Таким образом партия уже не далека от поставленной ею себе цели — иметь социалдемократическую организацию во всех 1.394 поселениях Дании.

Число членов к концу 1936 года составляло 191.424: 125.827 мужчин и 65.957 женщин. В Копенгагене насчитывается 59.608 членов. Агитация по домам и в этом году оказалась наилучшим методом вербовки членов.

Следует отметить возрастающее участие женщин в партийной работе. Оно выразилось в основании женских комитетов, число которых достигает сейчас 70.

ВЫБОРЫ В ИСЛАНДИИ.

20 апреля правительство постановило распустить парламент (Альтинг) и назначить на 20 июня новые выборы.

Причиной правительственного кризиса, повлекшего за собой роспуск парламента, был конфликт между двумя правительственными партиями — социалдемократами и прогрессистами. С некоторого времени стало очевидно, что консервативное крыло прогрессивной (крестьянской) партии заняло реакционную и подчас саботажническую позицию по отношению к мерам экономического возрождения, которые социалдемократия считала необходимыми для спасения Исландии от последствий хозяйственного кризиса. Сюда относится прежде всего стремление распространить сферу общественного хозяйства на важнейшую для Исландии отрасль промышленности — рыболовство. Крупные же капиталистические предприниматели предпочитали оставлять свои суда в бездействии и тем усиливать безработицу, чем согласиться на реорганизацию рыболовства в соответствии с требованиями социалдемократии. Это повело к конфликту, который и окрасит собою предстоящие выборы.

«ОТ БАБЕФА ДО ЖОРЕСА».

По инициативе Постоянной Административной Комиссии французской Социалистической Партии образовался под председательством т. Брака комитет для организации выставки по истории социализма во Франции (теория и практика) со времени его зарождения по 1914 год: «от Бабефа до Жореса».

В комитет, кроме виднейших французских социалистов и секретаря РСИ, т. Адлера, вошел ряд крупных ученых и историков Франции, не принадлежащих к социалистической партии. Генеральным секретарем комитета состоит т. Амедей Дюнуа, его помощником — т. Б. Николаевский; административным секретарем — т. Ж.-М. Гэд.

Самая выставка состоится в залах мэрии Булонь-Бийянкур во время международной выставки. Комитет обращается ко всем, могущим содействовать полноте и успеху выставки, с просьбой о предоставлении в его распоряжение возможно большего числа документов, книг, журналов, писем, фотографий, картин, автографов и пр. и о сообщении указаний на материалы, представляющие интерес для освещения эпохи и проблем, которым выставка посвящена.

По всем делам, касающимся выставки по истории социализма во Франции, следует обращаться в ее секретариат, помещающийся при Institut International d'Histoire Sociale: 7, rue Michelet, Paris 6e. — Tél.: Danton 49-62.

От редакции. — За недостатком места откладывается до следующего номера статья В. Александровой «Дела литературные».

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Знамя России, № 5 (93).

Информационный бюллетень Национальной Конфедерации Труда и Иберийской Федерации Анархистов. № 4, 5. Барселона.

Социаль-Демократ, орган закордонних організацій УСДРП. XIX. Подибрад.

Новая Россия, № 28.

Ото Бауэр. Борбата на Сталинъ срещу троцкизма. София.

Hispania tules. Tallinn, 1937.

Delnicka Osveta, № 4.

Informations de Palestine, № 29. Genève.

Idée et Action, № 9-10.

Parti Socialiste. 34e Congrès National. Rapports.

International Review, vol. 2, Nr. 4, May 1937.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 20/4, 12/5, 18/5.

Отослано: № № 11, 12, 13.

В ПАРИЖЕ Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно получить в следующих киосках Г А Ш Е Т Т:

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 41, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champs-Élysées.
- 9) Pl. de l'Etoile (côté Friedland).
- 10) Pl. de l'Etoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELIER, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETTE, av. des Champs-Élysées.
- 24) Pl. Pigalle.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кроме того отдельные №№ продаются в конторе журнала от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа.

НОВАЯ КНИГА:

Otto Bauer

Zwischen zwei Weltkriegen ?

(Die Krise der Weltwirtschaft, der Demokratie und des Sozialismus)

355 стр. Цена 20 франков

Заказы направлять в контору «Социалист. Вестника»